

ИГОРЬ ПАВЛОВ

БРАСЛЕТ РАНГАНА

Игорь Павлов
Браслет Рангана

«Издательские решения»

Павлов И.

Браслет Рангана / И. Павлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961455-1

Во время посещения музея Тунгусского метеорита в поселке, недалеко от эпицентра происшествия 100-летней давности, подростки натываются на странный экспонат в виде браслета, который неожиданно перемещает их во времени, делая ребят свидетелями таинственных событий. Главные герои, сталкиваясь с опасностями, постепенно узнают тайну Тунгусского происшествия.

ISBN 978-5-44-961455-1

© Павлов И.
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
Лучший город в мире	8
Летим!	10
Дед и Андрейка	12
Временный ад	15
Грачёв и Натка	17
Экспонат	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Браслет Рангана

Игорь Павлов

Редактор Илья Таучелов

© Игорь Павлов, 2019

ISBN 978-5-4496-1455-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Лето 1908 года измождённым от жажды человеком тянуло свои пересохшие губы к надвигающейся с севера грозе. Там, в глубине воздушных потоков, таинственно погромыхая, наплывали чёрные флотилии туч, бесцеремонно кидая навстречу горизонту перепутанные ленты молний. Каждый мазок кисти разгневанного Бога был необходим и органичен, если бы не маленькое бордовое пятнышко, раздражающе неуместное в наплывающей на тайгу фиолетово-серой наводи.

Стальная, раскалившаяся от атмосферных слоёв, капсула была последним пристанищем живых с погибающего межгалактического челнока «Старт». Звездолёт был разгерметизирован прямым попаданием твёрдого небесного тела и до взрыва оставались считанные секунды. Почти вся команда погибла во время удара и лишь двое, командир звездолёта и второй астронавт, успели вывести уцелевшую аварийную капсулу в открытый космос.

Командир, до боли сжимая побелевшие губы, не отрывал взгляда от монитора дальнего визора. В его светлых глазах хищной птицы ненужным атрибутом слабости пробивалась паутина отчаяния.

– Все... они все погибли! А я жив! Я, который несёт ответственность за их судьбы, – жив!

Паутинка начинала разрастаться в ноздреватую ловчую сеть, заполнившую и без того небольшое пространство капсулы.

– Вы сделали всё возможное, и даже невозможное, Ранган. – Молодой астронавт твёрдыми орешками разгрызал слова. – Никто бы не мог предвидеть появление «бродячего астероида» в этом секторе. Даже система оповещения не сработала!

– Не сработала... Самое обидное, что мы практически уже дома! На Земле! Только временной пояс другой. Дайри, на каком мы сейчас отрезке?

Его спутник оценил силу воли шефа, выдавшего последнюю фразу спокойным, почти «рабочим», тоном.

– Кайнозойская эра. Четвертичный период. Примерно конец второго тысячелетия от рождения пророка Христа...

– Значит, мы предположительно в двух с половиной тысячах лет от нашего витка! – Ранган снова не удержал статус-кво, позволив голосу дрогнуть, – Катастрофа...

Он с трудом наклонился и достал откуда-то снизу странный беловато-серый металлический полукруг, напоминающий браслет.

– Вот. Возьми. Это МВС.

– Нет! Никогда! – Дайри, даже несмотря на перегрузку, буквально придавившую их к креслам, умудрился всплеснуть руками, – Я думаю, что лучше вам им воспользоваться. Вы гораздо более важны, чем какой-то астропилот! Вы – командир!

– Да! Я командир! Командир, который погубил весь экипаж, а сам... сам вернётся обратно живым и невредимым! Ты так это себе представляешь? Нет, Дайри! Нет! Я спасу хотя бы одного...

Аварийная капсула как будто попала в раскалённое жидкое пламя. Жар был так силен, что пробил даже термopрочную оболочку специального спасательного бота. Ранган и Дайри, вскрикнув, закрыли лица руками, ошеломлённые и дезориентированные. А потом грянул небывалый гром, как будто раскололась пополам вся Вселенная. Это взорвался «Старт»...

На более чем 800 километров от эпицентра ударная волна огненным драконом смела тайгу на территории, превышающей 2000 квадратных километров. В радиусе 200 километров выбило все стёкла, а сила взрыва была зафиксирована всеми сейсмическими станциями от Иркутска до Йены. Небо выкрасило прозрачно-светлым, сюрреалистичным, разлив всю палитру радуги на облака и перемешав разноцветье как шарики бильбоке, открывая дверь

магнитной буре и небывалому по силе космическому вихрю, завертевшему тёмно-фиолетовое стальное зерно, чтобы просеять его навстречу такой мирной голубой планете...

Лучший город в мире

Волгоградский проспект дышал Москвой. Этот особенный аромат беззастенчиво сваливал в одну мешанину выхлопные газы задыхающегося от тесноты столичного транспорта, летнюю – такую приятную на юге и такую назойливую в городе – жару, птичий гомон, колясочные вопли младенцев и даже тихие шорохи облаков, переполненных освежающим дождём.

Небольшая трёхкомнатная квартира в одном из типовых домов ещё советской застройки, будучи вынужденной ячейкой каменного неподвижного пояса, терпеливо ожидала заката. Её хозяйка, семья Семёновых, тоже не жаловали июльское пекло (она это точно знала). Отец, мать и два сына (старший Валентин, студент Университета Дружбы Народов, а младший Леонид, или просто Лёнька, обычный московский школьник двенадцати с половиной лет) традиционно собрались за обеденным столом, где решались самые важные, злободневные семейные вопросы.

– Я тоже не в восторге посылать ребёнка в такую даль. Но, всё-таки, не забывай – он едет к родному деду. И этот дед, между прочим, – твой родной отец! – Валентина Сергеевна, мама двух «чудо-богатырей», сложила губы в некрасивую гузку, что было ей свойственно только в минуты крайнего раздражения, – А потом, он же поедет вместе с Валею. А Валя – человек ответственный! Точнее, надеюсь, что ответственный.

Глава семьи, Дмитрий Тарасович, уже седеющий импозантный мужчина, чем-то смахивающий на известного актёра прошлого века Вячеслава Тихонова, иронично выгнул левую бровь.

– Угу. Ответственный. В прошлом году, когда в Турцию ездили и оставили на него квартиру, что было? Все цветы завяли, половина рыбок из аквариума сдохли, а Барсик стал похож на жертву анорексии...

– А ты сам? – автоматически превращаясь в курицу, защищающую своё гнездо от непрошеного чужака, встрепенулась жена, – Ты сам? Забыл? Когда я с детьми ездила к тётке в Самару четыре года назад? Помнишь, как ты хозяйничал? Дверь не могла в квартиру открыть, думала, что её арендовала компания по отвозу мусора!

– Вот, начнёшь сейчас вспоминать всё подряд! И, между прочим, я пылесосил два раза в неделю, как ты и просила!

– Да, но при этом умудрился сделать всем соседям короткое замыкание... – она решительно сцепила на руках пальцы, – Ну, вот что! Завтра закажи два билета до Энска. Один взрослый и один детский. Потом позвони деду и сообщи, что внуки готовы в дорогу. Лёня останется у деда до августа, а Валя – как сам захочет. А если Валя вернётся раньше – то Лёньку заберёшь ты. И заодно повидеешься с отцом. Удивительное дело, я забочусь о том, чтобы ты не забыл навестить своего отца! Тебе не стыдно?

Подняв обе руки вверх, муж миролюбиво изрёк:

– Стыдно! А ведь ты всегда была его любимица. Даже интересно, чего он в тебе нашёл?

Не удержавшись, Валентина Сергеевна рассмеялась и хлопнула супруга по спине кухонным полотенцем:

– То же что и ты. Только он в молодости был покрасивее тебя малость. Понял?

– Да понял, понял! Чего ж тут непонятного? – окончательно разбитые дивизии отца отползали на заранее приготовленные позиции, – Хорошо. Тем более, учится наш младший на «отлично». Заслужил.

Рука матери нежно и одновременно с оттенком гордости потрепали Лёньку по затылку:

– А главное – он как дед, геологом стать мечтает. А Тарас Михайлович всю Россию пешком исходил. Им будет, о чём разговаривать.

– Да, он ещё юношей участвовал в той экспедиции, – папа Дима задумчиво побарабанил костяшками пальцев по столу, – в той, когда Тунгусский метеорит искали. Он ведь не так далеко от Энска упал. Загадка века!

Рассеяно, думая о своём, эхом откликнулась жена:

– Да. Загадка... Валя! Валя, ты слышишь?

– А? – длинноволосый Валентин слегка сдвинул «бици» на левое ухо.

– Опять уши «оглупителями» заткнул, – она жалобно бросила взгляд в сторону мужа, – и как они у него выдерживают всю эту нагрузку? Я один раз попыталась послушать, что у него там играет, так чуть глаза на затылок не выскочили!

Однако супруг не упустил шанса «отомстить», став на сторону старшего:

– Тяжёлый рок, что ж ты хочешь! Это тебе не классика.

Фыркнув, Валентина Сергеевна демонстративно отвернулась к плите.

А Дмитрий Тарасович и Лёнька, став удивительно похожими, молча разглядывали первые капли дождя, припарковавшиеся на оконном стекле прозрачными и беззащитными бусинками. Гроза расправляла тёмные плечи.

– Ну что? – тёплая, сильная и такая родная отцовская рука слегка тронула Лёнькину макушку, – Похоже, наша воскресная прогулка в парк накрылась медным тазом? Или точнее – серым одеялом.

Он секунду выждал, а потом неожиданно произнёс:

– Не жжёт дождинка болью горькой,

И не сестра она слезе,

Но почему запретов столько,

В грозу, на лётной полосе...

Он помолчал.

– Ты, правда, так сильно хочешь поехать?

– Да, очень, – сын ласковым щенком потёрся о сильное папино плечо.

– Значит поедешь. Если очень...

Летим!

Аэропорт Домодедово, скромный пасынок зажавшегося и немного помпезного Шереметьево-2, рассчитанного на избалованного иностранца или отечественного толстосума, серел длинными рукавами залов и запылёнными витринами магазинчиков со всякой «отлётной» ерундой.

На самом же деле, скромная домодедовская неброскость содержит в себе куда более «русскости», чем показушные декорации позднесоветских новостроев. Пусть он немного суетлив, немного не в тренде, не так причёсан и умыт, но зато очень искренен и этим подкупающ. Спустя три дня мужчины дома Семёновых, возглавляемые решительной Валентиной Сергеевной, упрямыми корабликами, раздвигающими человеческое море, пристали в зоне паспортного контроля.

Чуть подёргивая старшего сына за локоть, мать торопливо отдавала последние инструкции:

– Как прилетите, сразу позвони, понял? Сразу, а не через месяц. Валентин! – она начала сердиться, – Да сними ты свои глухосниматели! Почему всегда кричать приходится?

Любитель тяжелого рока снисходительно пробасил:

– Да позвоню, позвоню мам! Чего ты кипишь поднимаешь?

– Что?

– Чего зря кипишишься, говорю?

Теперь она рассердилась уже по-настоящему:

– Ты что, по-человечески совсем разговаривать разучился? В этом своём «Дружбе Народов»? Или ты тренируешь диалекты союзных нам африканских государств?

Валентин терпеливо вздохнул:

– Ясно, троллинг... Да понятно всё, мама! Не волнуйся.

– Да как не волноваться, если ты балбес такой! – женская глава дома Семёновых испытывала сильное желание содрать у него с головы наушники и основательно их поутюжить подошвами летних теннисных туфель с пластмассовыми рубчиками.

Разговор второй пары был куда более спокоен и если и эмоционален, то очень закрыто, как это часто водится между настоящими мужчинами.

– Ты деда не стесняйся расспрашивать, – Дмитрий Тарасович наклонился почти к самому Лёнькиному уху, – он геолог с почти сорокалетним стажем. Много чего повидал. Он наоборот рад, когда его расспрашивают. И рыбалку обожает, хоть и рыбак не особо умелый. Понимаешь?

Сын по-взрослому, раздумчиво, кивнул:

– Да, пап. А ты приедешь?

– Не знаю брат. Постараюсь вырваться. Не от меня зависит.

– Приезжай, я по тебе скучать буду, – вот и конец наигранной взрослости. Голос предательски дрогнул, выдав юный мальчишеский возраст.

Улыбнувшись, отец ласково провёл ладонью по вихрастой голове:

– Не успеешь. Время быстро пройдёт. Ты и не заметишь.

Уткнувшись головой в грудь папы и набычившись, Леонид тихо, но явственно, проурчал:

– А я уже скучаю...

Смотреть в иллюминатор самолёта – очень интересно, особенно если ты не боишься высоты, а под тобой расстилается небрежно красивый, превращённый расстоянием в детскую игрушку, такой город, как Москва. Всё это так. Это работает, когда все вместе и нет провожающих. Но если далеко внизу тебе машут руками два самых любимых в твоей жизни человека, взгляд, отвергая все законы физики и разума, пытается различить их там, среди людского и машинного муравейника, обманывая плачущее сердце и душевную тревогу. Так ничего

и не увидев, Лёнька огорчённо закрыл глаза и переключился на будущее. В этом будущем его ждал дед, которого он почти не помнил. Была романтическая тайга, новые знакомства и много-много всего интересного, особенно если ты мальчишка двенадцати с половиной лет, мечтатель и немного герой в душе, как и все твои сверстники.

Дед и Андрейка

Энск, как и ожидалось, являл собой прескучнейший провинциальный городок, затерянный в таёжном «море» на самом краю Красноярской области. Было совершенно непонятно, как можно прожить в подобном месте всю жизнь, и более того – не только прожить, а радоваться ей, находить удовольствие в безмолвии мрачноватой природы, диких, почти нетронутых цивилизацией ландшафтов, и надоедливом, бесконечном таёжном гнусе. Валентин, промаявшись пару дней, нашёл сто пятьдесят уважительных причин, почему ему надо в Москву и благополучно укатил. А Лёнька остался с дедом.

И дед оказался самым лучшим! Небольшой, немного ухватистый – он напоминал уменьшенную копию медведя из популярного мультика про Машу. Да и по характеру был добродушным, незлобивым и умным. Он легко вошёл в самую основу Лёнькиной души, причём ничего для этого специально не делая: не старался понравиться, не сюсюкал и не изображал из себя настоящего деда. Может поэтому им и оказался. Опытный человекоед, Тарас Михайлович Семёнов, с самого начала распознал во внуке личность, угадал его пытливый и даже в чём-то не детский ум и правильно выстроил общение. Им сразу стало интересно вместе. Настолько интересно, что городской до мозга кости мальчик, полюбил северные ранние вставания, необходимые для удачного клёва на местной живописной реке Чулыме, говорливо пробивающей себе путь в этом забытом Богом краю. Вот и сегодня, почти не обращая внимания на разноцветные поплавки, они увлечённо и равноправно беседовали как два уважающих друг друга оппонента.

Шаг. Ещё шаг, ещё... И вот уже слова из глухого бормотания начинают обретать законченность формы, которая и называется лексикой.

– Страшно было конечно, – Тарас Михайлович задумчиво прочертил прутиком на влажном песке знак бесконечности, – сам подумай. Глухая тайга и вдруг, в одно мгновение – лунный кратер! Как на другой планете. Ну, или скорее видимость кратера, очень похоже...

Впитывающий каждое слово Лёнька солидно произнёс:

– Деда, а правда говорят, что существует много версий Тунгусской катастрофы? Даже про посещение инопланетян пишут. Хотя, – Лёнька протяжно вздохнул, – я не верю... Сначала шум поднимают, а потом сами же его и опровергают.

– Всё возможно. Ведь одна из версий метеорита и сейчас остаётся версией аварии внеземного летательного аппарата...

Внук презрительно и недоверчиво фыркнул:

– А доказательства? Ведь нет никаких доказательств! Я всё же думаю, что это Тесла.

Старший Семёнов с удовольствием посмотрел на младшего:

– Ты читал о Николе Тесла?

– Ага. О его теории беспроводной передачи электричества. Ну и конечно о трансформаторе Тесла и «Резонансе Шумана»...

Теперь к удовольствию примешалось удивление.

– Ты знаешь, Леонид, а я в твои годы всё больше футболом увлекался. Или хоккеем. Не скажу что это плохо, но ваше поколение – сильно отличается от нашего...

– Да ладно тебе, деда, – в голосе внука быстрой ласточкой просквозило смущение, – о «Резонансе Шумана» каждый третьеклассник знает. А тем более о том, кто такой Никола Тесла.

Тарас Михайлович, машинально подёрнув леску, необидно рассмеялся:

– Думаю, что не каждый. Твой отец, например...

– Эгей, рыбаки! Рыба уже ваши поплавки доедает! – белобрысый, нахального вида, пацан насмешливо кивнул в сторону удочек. Тарас Михайлович и Лёнька мгновенно обернулись

и увидели, что оба поплавок скрылись под водой, а сильно натянутая леска подёргивается. Рывок! Голые крючки с обглоданными червяками позорно болтались как вырванные у водяного зубы. Белобрысый звонко и противно захохотал. Правда, к его оправданию, абсолютно по делу.

– На что ловите? – отсмеявшись, местный житель – а это было видно по манере одеваться и говору – наконец-то, смог задать связный вопрос.

С неохотой и явно неприязненно Лёнька буркнул:

– На червя...

– Чудаки! На кобылку лучше! Здесь на кобылку я неделю назад во-о-от такую шукенцию вытащил!

– Ага. *Credo, quia absurdum.* (*Верю, потому что нелепо*)

Пущенная городским «пуля» не прошла даром.

– Чего? – Шутник явно озадачился и, глуповато раскрыв рот, уставился на горе-рыболовов.

И тут дед прицельно «добил» его:

– Рыбак не будет рыбаком,

Когда рассказ не приукрасит.

Когда им пойманный карасик,

Не обернётся судаком...

Однако реакция последовала совершенно иная. Внимательно взглядевшись в старика, белобрысый неожиданно восторженно завопил:

– Ой, здравствуйте! А я вас и не узнал сразу. Помните, вы к нам в марте в школу приходили, рассказывали про Тунгусскую экспедицию? – но не увидев мгновенной реакции, он добавил обиженно, – Не верите, значит?

Дед улыбнулся совсем уж добродушно:

– Да верим, верим. Рыбачишки мы и в правду никудышные. Может, тренером поработаешь?

– А чего? Нет проблем. Вот, – пацан достал из потрёпанного кармана джинсов большую жестяную банку из-под леденцов.

– Что это? – Лёнька с интересом окинул её взглядом.

– Кобылки. Ну, кузнечики, по-вашему, – в тоне белобрысого прозвучала терпеливая снисходительность, – Наживку менять будем.

Он просто и с достоинством протянул руку сверстнику:

– Меня Андрейка зовут. А тебя?

Это было так располагающе и дружески, что улыбнувшись, младший Семёнов протянул свою в ответ:

– А меня – Лёня.

– Лёха, значит? – уточнил новый знакомый.

– Нет. Лёха – это Алексей. А Лёня – Леонид. Как царь Спарты.

Андрейка (а он был именно Андрейка, а никакой не Андрей) чуть насмешливо скривил губы и почти участливо произнёс:

– А ты чё, «ботан» по ходу? Отличник, что ли?

– Нет. С чего ты взял? Четвёрки тоже есть, – здесь Лёнька слегка покривил душой, чтобы окончательно не уронить себя в глазах местного.

Но тот ему не поверил:

– Разговариваешь ты как-то странно. Как будто не в себе. И слова не по-русски употребляешь.

Дед, давно и с улыбкой прислушивающийся к разговору, подлил масла в огонь:

– Он просто «индиго». Сорт мальчишек такой, особенный.

Андрейка почесал нос и неуверенно протянул:

– А-а... понятно. Слыхали.

– Ну, умелец, а как меня зовут, помнишь? – глаза Лёнькиного деда весело перекатывали смешинки.

Не желая мучить смутившегося Андрейку затянувшейся паузой, он милосердно подсказал:

– Тарас Михайлович. Семёнов. Вспомнил?

Кивнув и как-то внезапно наскучившись темой знакомства, белобрысый оживлённо спросил:

– Тарас Михайлович, а вы никогда больше не были на месте падения метеорита этого? Ну, после экспедиции? Эх, самому бы глянуть! – он доверительно посмотрел на Лёньку, – Вот бы здорово, да?

Лёнька согласно кивнул:

– Деда, а правда, ты не был там никогда с тех пор?

Лёгкий оттенок печали и даже недоумения окрасил серым слова Семёнова старшего:

– Нет, не довелось. Зону там поставили. Военные. Чтобы никто посторонний не лез. Вредные излучения какие-то нашли, говорят. И вообще, непонятно всё. А всё непонятное – пугает.

– Жалко. Интересно, наверное, – внук дипломатично постарался спрятать разочарование под бурные воды реки Чулымы.

Но дед, ухватив с воздуха подходящую мысль, довольно сильно хлопнул себя ладонью по лбу и воскликнул:

– А знаете что? На само место падения мы, возможно, и не попадём. А вот в Ванавару съездить можем! Там нынешний смотритель музея – сын моего старого друга Виталия Игнатьевича, – вздохнув, он добавил, – Скончался сам Виталий Игнатьевич. Два года назад. Он был один из нашей экспедиции, той самой, о которой я рассказывал.

Старик покосился на Андрейку:

– Тебя родители-то отпустят?

– А чего? Батя – на промысле. Их сейнер только к осени вернётся. А мама... в общем мачеха у меня. Ей до лампочки. Хоть на Марс, – белобрысый независимо сплюнул и отвернулся, чтобы скрыть плеснувшую зелёным в его голубоглазье застарелую печаль.

– Всё-таки, переговорить с ней надо, – Тарас Михайлович утвердительно кивнул головой, ставя ему одному понятную точку, – Хоть и недалеко до Ванавары, и самолёты туда летают, но лучше всё сделать, как положено.

– Деда, а что это Ванавара? И что за музей такой? – Лёнька уже не мог сдержать нетерпения, вполне понятного, если живёшь более чем три дня в такой заброшенной дыре как Энск.

– Ванавара? Сельцо небольшое на Подкаменной Тунгуске. Примерно в шестидесяти километрах от падения метеорита. А музей, это вообще-то частная инициатива. Виталий Игнатьевич сам его создавал – доставал экспонаты, фотографии, документы. Всё что имело отношение к Тунгусской трагедии. Так что по большому счёту, это, вроде, и не музей вовсе. Но от этого менее интересным он не становится. Так что? Нравится моё предложение?

– Ещё бы! Классная идея! – Неожиданно мальчишки выпалили эту фразу хором и, переглянувшись, засмеялись.

И тут по-таёжному наблюдательный Андрейка ловко подхватил одно из укреплённых в рогатках удилиц и закричал:

– О, клюёт, клюёт! Тарас Михайлович, на вашу!

Кто-то большой и гибкий, выбивал на поверхности воды симметричные и, такие милые сердцу рыбака, круги.

Временный ад

Временного ада нет. Он существовал и существует всегда, как предупреждение людям зла и предостережение тем, кто выбирает между совестью и оправданием. Но то горящее жерло, куда, вращаясь, проваливалась обугленная до черноты капсула, иначе как временным адом назвать было сложно. Временным, потому что любая катастрофа не длится вечно, даже самая глобальная, как библейский потоп.

Никогда ни один Сизиф бесконечно вкатывающий на гору камень, не испытал такой муки, которой подвергся Дайри в момент естественной и простой для человека потребности – открыть глаза. Казалось, что глазные яблоки превратились в два огненных раскалённых шарика прожигающих веки изнутри, и боль лучом бластера сверлила висок до кости.

Тайга пылала. Небольшая речушка, протекавшая примерно в пяти метрах от упавшей капсулы, напоминала собой шипящий гейзер. Огненные останки планирующих в неё деревьев взрывались кипящими фонтанами и методично старались зажечь воду, а та, в свою очередь, упрямо сопротивлялась. Дайри нечеловеческим усилием сорвал с себя мегашлем и ударил по тумблеру аварийной подачи кислорода. Тихий и в буквальном смысле животворный свист стал подтверждением того, что система работает. Следующее, что он сделал – сорвал мегашлем с головы Рангана. Лицо командира было багровым и неузнаваемым. Но дыхание прослушивалось. Спустя минуту или чуть более он, к великой радости астропилота, поднял веки и пошевелил губами.

Склонившись к самому его лицу, Дайри отчаянно прокричал:

– Командир! Мы на земле. Но надо уходить. Надвигается зона огня. Через пару часов здесь будет пекло.

– Я не смогу... – сильные звуки были как пародия на чёткий и сильный голос Рангана, – у меня что-то с позвоночником. Ног не чувствую.

– Это ничего. Ничего... это от тормозного шока. Сейчас пройдёт... – совсем не замечая брызнувших так не вовремя слёз, астропилот настойчиво пытался усадить неподъёмное тело командира. Тот изо всех сил ёрзал, выражая искреннее желание как то помочь, но этим больше мешал, чем помогал товарищу. Наконец, видя всю бесплодность их попыток, Ранган мягко сжал рукой локоть молодого звездолётчика:

– Всё. Хватит. Ты забыл, что по второму дапу я хирург. Так что, обманывать себя самого и тебя не буду. Иди. Ты зря теряешь время. Скоро здесь будет плавильная печь. Вместе нам не выбраться.

– А у меня нет второго дапа, но я и с одним знаю – мы выберемся!

– Нет. Ты потеряешь время. Вместе – у нас нет шансов.

Дайри несогласно мотнул головой и нажал одну из клавиш на панели управления. Люк капсулы открылся и, сразу же, всё вокруг обдало жаром приближающегося пала. С трудом вытащив командира из капсулы, астропилот положил его на почерневшую от пепла землю. Затем нырнув обратно, достал небольшой металлический кейс, что-то типа аварийного чемоданчика. Пристегнув кейс зажимом к передней части костюма, Дайри взвалил себе на спину Рангана и, пошатываясь от тяжести, направился прочь от догоняющего их огненного безумия. Но, пройдя какое-то расстояние, он вдруг остановился и, бережно уложив командира на землю, воскликнул:

– Командир, я просто нереальный тупица! У вас же есть МВС! Нет, это справедливо, что я не получил второй дап!

Ранган слабо пошевелился и, преодолевая боль, выговорил:

– Я оставил его в капсуле. Я знал, что ты будешь настаивать, чтобы я воспользовался им сам. Особенно теперь. И я решил – если ты отказался, то я и подавно останусь там, где моя команда...

– Вы неправы! Никакой вашей вины нет, – тёмные полосы от слёз на щеках Дайри напоминали какой-то первобытный туземный раскрас, – это был «бродяга». Он вылетел в наш сектор совершенно случайно! Защита не успела сработать именно поэтому! Я быстро, туда и обратно, командир...

– Дайри! – каждое слово давалось с огромным усилием, – Бесплезно, Дайри. Ты же знаешь, при аварийной посадке, в капсуле включается механизм самоликвидации. Пауза от приземления до его запуска – 87 минут. Или примерно полтора часа. С момента нашего ухода – прошло минут сорок. Плюс, мы какое-то время находились внутри капсулы практически без сознания. Возможно полчаса, возможно и больше. Ты просто не успеешь! Послушай меня! – закашлявшись и тяжело переводя дыхание, Ранган замолк.

– Успею!

– Подожди...

Последнее слово командира и последовавший за ним разрывающий лёгкие кашель заставили астропилота повернуть обратно. Багровый румянец на лице Рангана неумолимо сменяла синюшная бледность, а на губах появился желтоватый налёт. Однако тон, каким он произнёс следующие слова, был спокоен и даже радостен:

– Я... ухажу... но я командир... я им был до конца... и я спас хотя бы одного...

Что-то тяжёлое выпало из его руки прямо в ладонь склонившегося к нему Дайри. Это был беловато-серый предмет, напоминающий браслет.

– Командир! Это же МВС. Но почему вы не сказали сразу... – астропилот осёкся, увидев, что лицо его спутника застыло. Сзади потрескивая и грозно шумя, приближалось большое пламя. Оно неотступно надвигалось, воя на все голоса, шипело и потрескивало умирающим лесом, постепенно сжимая огненное кольцо вокруг него и уже безразличного к его жару Рангана. Надо было спешить.

Дайри, намеревавшийся было одеть браслет на руку, остановился. Отмахнувшись от назойливого пепла, он достал из аварийного кейса странный прибор, напоминающий паяльник и начал размечать прямоугольник на земле возле тела командира «Старта». Не обращая внимания на приближающуюся смерть, он глухо бормотал:

– Сперва я похороню вас. А потом... а потом всё решу.

Разметив расстояние, астропилот нажал пусковую кнопку на «паяльнике» и внезапно появился зеленоватый луч, который просто стал «вдавливаться» землю внутрь, расплавляя её страшной температурой. Это был ручной лазер, типа бластера. Он почти уже завершил свою печальную работу, как вдруг яркая вспышка осветила каждую веточку лиственницы, под которой лежал Ранган. Затем послышался приглушённый раскат, напоминающий гром. Гигантская ударная волна отбросила Дайри на несколько метров от места, которое он готовил под могилу. Как пушинка взлетел в воздух аварийный кейс. Деревья вокруг затрещали и затряслись, из последних сил сопротивляясь волшебному великану, вознамерившемуся вырвать их с корнем. Это взорвалась аварийная капсула.

Грачёв и Натка

По «убитой» дороге, подпрыгивая на ухабах и упрямо фыркая, полз внедорожник. Шестиместный, достаточно комфортабельный, он без нагрузки нёс четверых пассажиров, считая и водителя. Трое из сидящих – уже знакомые нам Тарас Михайлович, Лёня и Андрей. А четвёртый, водитель, был похожим на кавказца мужчиной лет сорока, крутолобым и горбоносым. На нём были потёртая кожаная куртка и такая же кожаная кепка с вытянутым вперёд, как у бейсболки, козырьком. Он поглядывал в зеркало заднего вида насмешливыми глазами, а продольная морщинка в основании рта и паучьи лапки у глаз, выдавали в нём человека, не чуждого юмору. Звали его Олег Витальевич Грачёв и был он единственным сыном старинного друга Семёнова старшего. Того самого Виталия Игнатьевича, умершего позапрошлым летом, участника второй тунгусской экспедиции и основателя частного музея в Ванаваре (куда они собственно и ехали). Олег Витальевич, имея хорошее образование, занимал должность начальника метеостанции. Он был разведён, но не особо переживал по этому поводу, так как жил не один, а с дочерью. Любил музыку, охоту и всё, что связано с погодой. А сейчас он с искренним сочувствием наблюдал за прыжками пассажиров в салоне, непривычных к таким таёжным «автобанам».

– Потерпите, уже недалеко, – Грачёв весело подмигнул мальчишкам и извиняюще кивнул Тарасу Михайловичу. – Метеостанция в новое здание переехала. Думаю разместить вас там. Хотел к себе сначала, да стыдно стало. Холостяцкое жильё, удобства во дворе. А там – всё как положено! Душ, зимний туалет и даже интернет работает. Не против?

– Нам всё удобно, – старый геолог успокаивающе махнул рукой и чертыхнулся, стукнувшись головой о крышу салона на очередном ухабе. – Как вам лучше. Не вы же к нам, а мы к вам напросились.

– Тарас Михайлович! Что это ещё за разговоры? Вы меня с детства знаете! – выразительные губы Грачёва очень точно показали степень его обиды, – Я очень рад, что вы нашли время приехать. А тем более с такими орлами!

Он снова подмигнул Лёньке и Андрею:

– Сейчас отдохнёте, умоетесь, покушаете, а завтра с утра – я в вашем распоряжении. И музей тоже...

– Да я же шучу, Олег! Знаю, что ты рад, – Тарас Михайлович вздохнул, – Жаль, Виталию, папу твоего уже не застал.

– Да... он незадолго до смерти часто вас вспоминал. Спрашивал. Но... – Грачёв резко поменял тему, показав рукой на будто вынырнувшее из-под земли строение, и радостно провозгласил:

– Приехали! Вот и ваши хоромы!

Внедорожник притормозил у большого прямоугольного здания, выкрашенного небесно-голубой влагоустойчивой краской. Здание располагалось почти на самом берегу реки Подкаменная Тунгуска, где царственная тайга безнаказанно окружала улицы Ванавары – упрямый росток человеческой цивилизации – спокойно и по-хозяйски. Мальчишки буквально выкатились из надоевшего и растрясшего все мозги джипа.

Андрейка подпрыгнул и радостно завопил:

– Вау!!! Наконец-то, земля! – он с удовольствием озирали величественные перекаты строго-зелёного лесного моря с вкраплениями бурых обомшелых скал. – Гляди, как здорово!

Более сдержанный Леонид, улыбаясь, произнёс:

– Да, я на фото всё это видел. Но живём... даже сравнивать нельзя.

– Ещё бы! Какая фотография с этим сравнится!

Стремительно развернувшись к Лёнькиному деду, белобрысый просительно проканючил:

– Тарас Михайлович, мы на речку сбегает?

В это время Семёнов старший, пыхтя, доставал вместе с Грачёвым вещи из салона.

– А помогать кто будет? – но искреннее огорчение на усталых мордашках его рассмешило и растрогало. – Ладно, ладно. Даю десять минут. Хватит?

– Ура! Хватит. Мы быстро!

Мальчишки, став очень похожими, побежали в сторону говорливой и беспокойной Подкаменной Тунгуски.

– Десять минут! Через двадцать минут ужинать будем!

Ленька оглянулся и помахал деду рукой:

– Хорошо! Понятно!

Грачёв, улыбаясь, достал последнюю сумку и деловито попинал покрышки:

– Пацанам – везде дом. Потому что пацаны.

Тарас Михайлович хмыкнув, достал коротенькую трубочку-носогрейку и, чиркнув зажигалкой, выпустил облачко душистого дыма:

– А мы с тобой Олег? Разве не такие же, а?

– Да, только немного постаревшие.

Они засмеялись и, взяв багаж, направились к метеостанции.

Подкаменная Тунгуска не скучала. На её берегу стояла непонятная фигура, облачённая в большую, явно не по росту, брезентовую куртку и потрёпанные голубые кеды. Она выглядела даже комично, если бы не блестящий, абсолютно новый спиннинг, цена которого возможно, превышала цену средней руки ноутбука.

– Гляди. Суперский спиннинг, – с завистью прошептал Андрейка, – телескопический. И с пробковой рукояткой. Мечта! Только дороговато такое удовольствие.

– Телескопический? А что это значит?

Белобрысый старожил воззрился на городского незнайку с лёгким презрением:

– Жесть! А ещё москвич! Телескопический – это выдвижной, его вообще можно сложить до размера линейки и в сумку спрятать, понял? Удобно. И в рыбалке он надёжен. У вас что, в Москве никто такого элементарного не знает?

– Я ж не рыбак, – смущённо двинул плечами Леонид, – у меня другие интересы.

– Да я уж заметил, когда вы с дедом рыбу червями кормили, – сооротив ехидную гримасу, Андрейка помахал рукой местному рыбаку:

– Эй, мэн, как поклёвка?

Рыбак обернулся и ребята увидели, что перед ними девочка, примерно их возраста, с живыми голубыми глазами, коротко остриженная и с курносо вздёрнутым носом. Она оглядела вновь прибывших с невыносимо противным высокомерием и недружелюбно отрезала:

– Ты слепой? Женский пол от мужского не отличаешь? Мэ-э-эн... ваще!

Последнее слово «ваще» сопровождалось поворотом к реке, снова выставив на обозрение растрёпанную ветром копну тёмно-русых волос на затылке.

– Извините, мы только что приехали. Не хотели мешать... – Лёнька дёрнул своего спутника за локоть и прошипел:

– Идём!

– Подожди, я ей сейчас в шарабан закатаю, чтоб не выделялась, а потом двинем.

Было очевидно, что белобрысый Андрейка видел продолжение знакомства немного по-другому, чем его новый друг. Он сделал шаг в сторону девочки, но Лёнька крепко схватил его за руки:

– Ты что серьёзно? Она же девчонка!

– Да какая она девчонка? Мухомор на ножках! Пусти, ботан!

Но вырваться из железных рук Семёнова-младшего оказалось непросто. Разгневанный таким предательством, вспылчивый как порох, Андрейка с криком «Тогда не обижайся! Начну с тебя!», набросился на маменькиного сынка, ни секунды не сомневаясь в финале. Он наскакивал на Лёньку, молотил руками как опытный боксёр в весе пуха, но ловкими, почти незаметными для глаз ударами, Леонид неизменно сваливал своего товарища с ног, стараясь, по возможности, не причинять ему боли. Девчонка с интересом наблюдала за поединком, сдвывая чёлку со лба. Наконец, Андрейка выдохся. Когда Лёнька в очередной раз поймал его руку в зажим и завернул её за спину, он сдался:

– Отвали Джеки Чан... всё!... всё, сказал!

Потирая руку, он с уважением уставился на своего противника:

– Блин! Никогда бы не подумал, что ты такое можешь! Ботан ботаном, а руки как батины плоскогубцы. В Москве научили?

– Ага, – немного виновато сказал городской, – занимаюсь, когда время есть. Это айкидо. Три года, как тренируюсь.

Подошедшая ближе девчонка, одобрительно цокнула языком:

– Здорово! А мне покажешь пару приёмов? Кстати, я – Натка. Наташа, если правильно.

– А я Лёня. Леонид.

Ладошка у девчонки оказалась мягкой и тёплой.

– Угу. Он же царь Спарты и сёгун... – Андрейка, презрительно хмыкнув, сделал вид, что не заметил протянутую ему руку.

Лёнька, примирительно улыбувшись, кивнул в сторону белобрысого:

– А это – Андрей. Мы вместе с дедушкой к Олегу Витальевичу приехали. Грачёву. Музей посмотреть.

– Во! А сразу нельзя было сказать? Олег Витальевич Грачёв – мой папа! – девчонка с торжеством и насмешкой уставилась на новых приятелей, – И чтобы это узнать, необязательно было устраивать восточные единоборства.

– Щас точно допросишься. И папочка не поможет, – настроение Андрейки явно осталось пониженным.

Натка, или Наташа, высунула ему навстречу язык и, обернувшись к Леониду, кокетливо промурлыкала:

– А зачем папа? Когда такой рыцарь рядом?

Завертев катушку спиннинга, она деловито предложила:

– Ну что, пойдём? Я вам Ванавару покажу. А если успеем, то ещё сегодня и в музей сходим.

– Пойдём. Давай помогу...

Подхватив её рыболовное ведёрко и небольшую матерчатую сумку, Лёнька затопал ей вслед, стараясь попадать в такт её упругим и каким-то невесомым в своей лёгкости шагам.

Что касается Андрейки, минут пять он оставался на месте, изображая независимость, но потом не выдержал, сплюнул и, насмешливо пробормотав «Рыцарь... печального Образа...», побрёл следом за удалившейся уже на приличное расстояние парочкой.

Экспонат

Утро – самое противоречивое время суток. Для миллионов и миллионов жителей нашей планеты это время плодотворнейших идей, прилива энергии, бодрого настроения и эцетра, эцетра, эцетра. Для других – почти ощутимый враг, навязывающий повседневную реальность, вырывающий из сладкого царства Морфея и крадущий миры фантазии. Но нравится или нет, именно утро является той самой батареей, от которой зависит заряд нашего настроения на целый день.

Новые обитатели метеостанции, переполненные впечатлениями, разломанные тяжёлой таёжной дорогой и опьянённые душистым воздухом первозданной природы, мирно соглашались со вторыми, теми, которые предпочитают Морфея. Стрелки будильника заканчивали очередной круг, но ни Тарас Михайлович, ни тем более мальчишки и не думали просыпаться.

– Рота, подъём! Кто рано встаёт – тому Бог подаёт! – Весёлый голос Грачёва под самым окном скатал сны походным одеялом и разогнал домовых со сверчками.

Встрёпанная голова Тараса Михайловича немедленно высунулась наружу и добродушно парировала:

– А кто поздно ложится – летает как птица! Здравствуй, Олег. Проспали мы, да?

– Так понятно. Дорога к нам ещё не скоро на московское шоссе похожа будет. Ну, вы особо не суетитесь. Умывайтесь, одевайтесь, завтракайте. Минут пятнадцать у меня есть. До музея подкину, там Фёдорович вас встретит, а мне в Канск выдвигаться надо. Леонтьев ещё вчера звонил. Заждались... – Олег Витальевич махнул рукой и повернул к джипу, а Семёнов старший хлопотливо стащил с Лёньки одеяло:

– Вставай, вставай. И Андрея толкни. У нас пятнадцать минут на всё про всё.

– Ага...

Но Андрейка уже шустро одевался, затягивая поясной ремень.

– Пять минут нормально. А позавтракать можно потом. Не проблема.

– Я вам дам – не проблема! – притворно сердился Тарас Михайлович, – Хотите, чтобы ваши мамы сказали, что дед кормил вас раз в день и наградил гастритом? Живо завтракать, а то музей отменяется!

– Так это мамы. А не мачехи... – Сумрачно огрызнулся Андрей и выскочил на улицу.

В окно джипа высунулась лохматая голова, приветливо улыбнулась Леониду и скорчила гримаску Андрейке.

– Кыш! Давай назад перебирайся. Живо! Садитесь, Тарас Михайлович.

Натка, недовольно засопев, дёрнула дверную ручку. Протискиваться между передними креслами ей не хотелось.

– Олег! Олег! Пусть сидит. Тем более я люблю ездить на заднем сиденье. Здравствуйте, барышня. Как вас величать? Меня – Тарас Михайлович, – почтительно склонив голову и скрыв смешинку в глазах, старый геолог протянул руку девочке.

– Натка... ой, Наташа! Да я ничего, могу и назад...

– Сидите, сидите! Разве вы не знаете, что слово дамы – закон для любого мужчины. Так что вы в своём праве.

Не выдержав, Грачёв гулко захохотал:

– Ох... ремня надо всыпать этой даме... пока вы её мне не разбаловали окончательно.

– Ну что, едем? – Недовольно пробурчал Андрейка, – А то торопили, торопили... Зачем?

Отец Натки хмыкнул, надавил на газ, и внедорожник, запрыгав на кочках, рыча всей мощью своего движка, устремился в направлении центра посёлка.

Спустя десять минут он затормозил у небольшого двухэтажного деревянного строения, напоминающего обыкновенную избу, обнесённую выбеленным забором. У калитки гостей

встречал пожилой, почти ровесник Тараса Михайловича, мужчина. Он уважительно пожал руку гостю, потом Грачёву и по-хозяйски пригласил всех войти, не забыв строго предупредить ребят и Натку, чтобы ничего руками не трогали и вели себя поосторожнее.

– Знакомься, Фёдорыч, – Тарас Михайлович, крепко пожав руку зрителю, повёл её в сторону внука и Андрейки, – это мой внук Леонид, а это наш новый знакомый Андрей. Мужики серьёзные, так что за экспонаты не волнуйся. А это (он кивнул ребятам на Фёдорыча) – Степан Фёдорович Рогов, хранитель и оберегатель музея. В прошлом охотник и краевед. Кстати говорят, что именно его отец был одним из проводников знаменитой первой экспедиции Кулика в конце двадцатых годов прошлого века...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.